

Как дети приближали Победу

Времена не выбирают, гласит известная мудрость. Кому-то достается детство с пионерскими лагерями и сбором макулатуры, кому-то – с игровыми приставками и аккаунтами в социальных сетях. Поколению детей 1930-х досталась жестокая и страшная война, отнимавшая родных, близких, друзей и само детство. И вместо детских игрушек самые стойкие и отважные брали в руки винтовки и автоматы. Брали, чтобы мстить врагу и сражаться за Родину. Война – не детское дело. Но когда она приходит в твой дом, привычные представления меняются кардинально.

У войны не детское лицо – это знают все. Но многим ли известно, сколько раз пересекались дети и война? Многие юные герои погибли за свободу нашей Родины. В благодарной памяти народа навсегда останутся славные боевые дела юных героев. Тех, кто мужественно дрался

с лютым врагом на полях фронтовых сражений, в партизанских отрядах и в условиях подполья. Тех, кто внес свой вклад в грядущую Победу и кому сегодняшние сверстники обязаны счастливой мирной жизнью.

Янтарные рассветы и закаты,
И свежесть леса, и речная гладь...
Чтоб радовались этому ребята,
Отцы и деды, бывшие солдаты,
Умели за Отчизну постоять.
И в восемнадцатом,
И в сорок первом
Шли в бой они,
А рядышком порой
Шагал мальчишка,
Сверстник наш, наверно.
Еще мальчишка,
Но уже герой!

На их хрупкие плечи легла тяжесть

невзгод, бедствий, горя военных лет. И не согнулись они под этой тяжестью, стали сильнее духом, мужественнее, выносливее. Маленькие герои большой войны. Они сражались рядом со старшими – отцами, братьями, рядом с коммунистами и комсомольцами. Сражались повсюду. На море, как Боря Кулешин. В небе, как Аркаша Каманин. В партизанском отряде, как Леня Голиков. В Брестской крепости, как Валя Зенкина. В керченских катакомбах, как Володя Дубинин. В подполье, как Володя Щербацевич. И ни на миг не дрогнули юные сердца! Их повзрослевшее детство было наполнено такими испытаниями, что, придумай их даже очень талантливый писатель, в это трудно было бы поверить. Но это было. Было в истории большой нашей страны, было в судьбах ее маленьких ребят – обыкновенных мальчишек и девчонок.

Джемми Горячкина девочка, спасшая ценой своей жизни машину с тяжелоранеными бойцами

нул станцию, спасая людей.

При пересечении железнодорожных путей первая же машина заглохла. В ней были Джемми с мамой и ранеными солдатами. Другие машины пытались их объехать, но помешал высокий бордюр. Они тоже застряли. Образовался затор. В этот момент по путям стремительно приближался товарный поезд с горючим.

Из-за деревьев и поворота маши-

нист не мог видеть застрявшие машины, но врачи и раненые прекрасно понимали, что поезд несется на них. Времени выгрузить людей из машин не оставалось. Тогда маленькая пионерка и совершила отчаянный поступок. Она сорвала с шеи пионерский галстук и побежала по шпалам навстречу поезду.

Машинист через просветы в деревьях заметил девочку, отчаянно

размахивающую красным галстуком. Поезд начал тормозить, а Джемми пыталась уйти с путей, но споткнулась и упала на рельсы...

Поезд остановился в нескольких метрах от заглохшего грузовика. Раненые были спасены. Джемми пожертвовала собой, погибнув под колесами поезда, но сумев защитить людей, не способных выбраться из машин.

Ей было девять лет, когда началась война. Маленькая жительница города Сальска Ростовской области успела окончить три класса. Она очень любила читать. Вся домашняя библиотека была прочитана от корки до корки. Любимой книгой был роман Э. Войнич «Овод». И имя Джемми ей дали родители в честь возлюбленной Артура (Овода) – Джемми Уоррен. А любимой песней девочки был «Орленок».

Во время отступления Красной армии летом 1942 года с ней отходила и часть мирного населения. В тот день на железнодорожной станции Рашеватка стояли несколько составов для эвакуации людей, оборудования государственных учреждений и заводов Ставрополя. Здесь же были и крестьянские подводы с беженцами. Люди гнали скот. Рядом двигалась большая колонна автобусов и грузовиков с ранеными красноармейцами из госпиталя Сальска.

Джемми с мамой ехали в одной из санитарных машин. И тогда прилетели немецкие бомбардировщики, которые начали бомбить составы. Эвакуируемый госпиталь на грузовиках на большой скорости поки-

Эта трагедия произошла 31 июля 1942 года. Советский и российский писатель, поэт Светлана Юрьевна Гершанова, которая родилась в 1934 году в Ростове-на-Дону, посвятила книгу Джемме Горячкиной «Повесть о тихой девочке». В этой повести главную героиню зовут не Джемми, а Женя.

На переезде полустанка
Застрял с бойцами грузовик,
Подводы, бабы, ребятишки,
На всю округу – стоны, крик.
Все окружили бедолагу,
Враскачку, не хватает сил.
И медсестричка помогает,
Везет бойцов в ближайший тыл.
Еще подъехали машины,
Спешат отправить в тыл людей.
Вдруг рельсы разом заходили...
«Состав! – кричат. - Быстрей, быстрей!».
От страха цепенеют руки,
Застыли бабьи голоса.
Все смотрят – девочка-подросток
По рельсам мчится вдаль одна.
В руках ребенка – галстук красный,
Им машет, знаки подает,
Кричит надрывно детский голос,
А паровоз все прет и прет.
А мать застыла без движенья,

Ей не хватает сил вздохнуть
И понимает, что дочурку
Назад никак нельзя вернуть.
Тут машинист беду почувал:
На фронт горючее везет,
Он давит, давит на рессоры,
А паровоз все прет и прет.
Вдруг замечает: за кустами
Краснеется условный знак,
А скорость ну никак не сбавить,
И слезы брызгают, и крах...
От страха, что не успеваешь,
Пот застилает лоб, глаза,
Но не хватает расстояния,
И ни при чем здесь тормоза!
Упал ребенок... перерезан,
Он галстук в кулачке держал,
Не думал в тот момент о смерти,
Собою поезд задержал!
Здесь пионерку схоронили,
На полустанке, вдоль дорог,
И красный галстук развевался,
Он от беды спасти помог.
Поступок маленькой девчушки
Мог многим послужить в пример.
Какое мужество имела
Отважный юный пионер!

Муся Пинкензон. Маленький еврейский скрипач, в 11 лет погибший на Кубани в далеком 1942 году. Он не убил ни одного врага, не распространил ни одной листовки, ни разу не пускал под откос поезда с вражескими танками. Его борьба с фашизмом длилась всего несколько мгновений, а оружием его были скрипка и великое мужество...

Его практически никто и никогда не называл полным именем Абрам, все звали Мусей — так, как называла его мама. Муся был сыном врача Владимира Борисовича Пинкензона и Фени Моисеевны. Еще во младенчестве у Муси проявилась тяга к музыке. Талант раскрылся очень рано: уже в 5-летнем возрасте вундеркинд настолько виртуозно играл на скрипке, что о юном даровании писали все городские газеты.

В июне 1941 года юный скрипач должен был участвовать в 1-й республиканской олимпиаде художественной самодеятельности Молдавии, однако все планы рухнули с началом войны.

— Папа, а скрипку брать?

Отец не успел ответить, его опередила Феня Моисеевна.

— И скрипку, и пижамку тоже...

Мусик утомленно опустил на стул. Скрипичные концерты Баха, Паганини, Чайковского никак не могли уместиться в его нотной папке. Неужели придется их оставить? И вдруг его осенило. Дождавшись, пока мать вышла в другую комнату, он незаметно для отца вытащил из чемодана свою пижамку, свитер и уложил на самое дно, под отцовские брюки, пачку нотных тетрадей.

В июне 1941 года юный скрипач должен был участвовать в 1-й республиканской олимпиаде художественной самодеятельности Молдавии, однако все планы рухнули с началом войны.

Семья Пинкензонов эвакуировалась на Кубань, в станицу Усть-Лабинскую. Во время остановки поезда Муся всегда доставал скрипку и играл. Люди останавливались, смотрели на маленького музыканта и слушали. Они словно забыли, что позади была трудная дорога и что впереди еще неизвестно, сколько ехать, и неизвестно, что ожидает на новом месте. Люди слушали музыку, и она вводила их из теплушки, с перрона станции куда-то в иной мир, в их светлую и радостную жизнь, о которой они теперь только могли вспоминать. Все кругом говорило о войне, о большом несчастье, которое обрушилось на их Родину, а музыка пела о том, что счастье будет, будет...

На новом месте Владимир Пинкензон стал врачом военного госпиталя, а Муся пошел в местную школу. По вечерам он приходил в госпиталь к отцу и играл на скрипке для раненых.

— Дорогие товарищи раненые, защитники нашей Родины! Начинаем концерт пионеров нашей школы. Выступает Муся Пинкензон. Он приехал со своими родителями из Молдавии. Его папа работает вра-

Муся Пинкензон

подвиг со скрипкой в руках

чом-хирургом в этом госпитале.

Вышел Муся и стал играть и петь. Песня сменялась песней, а раненые просили еще и еще. Вместе с ребятами Муся переходил из одной палаты в другую, и концерт продолжался до позднего вечера. Усталые и довольные, ребята расходились по домам.

Так началась новая жизнь. В школе Мусик проводил целые дни, а под вечер он шел в госпиталь, где допоздна играл раненым Чайковского, Паганини, «Катюшу» и «Сулико»...

Владимир Борисович все дни пропадавал в госпитале. Он никак не мог выбраться домой, чтобы повидаться с семьей. Однажды он пришел поздно и попросил Мусика срочно пойти с ним в госпиталь.

— Понимаешь, сынок, ты мне должен помочь! Сегодня привезли к нам тяжелораненого летчика. Он все время кричит от диких болей. Поиграй ему.

Когда Мусик вошел с отцом в палату, летчик стонал. Стоявшая рядом с ним медсестра старалась его успокоить, но летчик не слышал ее уговоров. Мусик тронул смычком струны, и раненый летчик обернулся в сторону звуков, удивленно посмотрел на появившегося в палате скрипача и затих. Мелодия сменялась мелодией. Мусик играл, а раненый лежал и слушал. Когда мальчик закончил играть, летчик подозвал его к себе и сказал:

— Спасибо, сынок. Я потерплю. Я буду жить! Я обязательно буду жить и буду бить фашистов.

Летом 1942 года Кубань перестала быть глубоким тылом. Стремительное наступление гитлеровцев потребовало

Так началась новая жизнь. В школе Мусик проводил целые дни, а под вечер он шел в госпиталь, где допоздна играл раненым Чайковского, Паганини, «Катюшу» и «Сулико»...

новой эвакуации, но ни раненых, ни врачей госпиталя из Усть-Лабинской вывезти не успели. Когда солдаты вошли в палату, Владимир Борисович делал операцию. Офицер, говоря по-русски, бросил:

— Прекратите операцию, доктор. Все равно мы расстреляем вашего пациента. У нас много своих раненых, и они нуждаются в вашей помощи.

— Я не могу остановить операцию, — ответил хирург, — и прошу вас выйти из палаты...

— Вы большевик?

— Нет...

— Тогда почему?

— Я врач, — перебил его Пинкензон.

— И все-таки я советую вам хорошенько подумать. Это может сохранить вам жизнь.

— Нет!

Офицер дал знак солдатам, они подскочили к Владимиру Борисовичу и оторвали его от операционного стола.

— Даю вам подумать сутки.

Офицер достал пистолет и выстрелил в раненого, лежащего на операционном столе.

Врача Владимира Пинкензона, до последнего остававшегося со своими пациентами, арестовали гитлеровцы. Доктора уговаривали согласиться на работу в госпитале, лечить немецких солдат, грозили расстрелом, но Владимир Борисович был непоколебим. Тогда его стали выгонять вместе со всеми арестованными на работы — рыть окопы. Когда он возвращался с работ, офицер снова вызывал Пинкензона и снова предлагал работать в госпитале, но Пинкензон уже ничего не отвечал, лишь отрицательно кивал головой на предложение гитлеровца.

Вскоре арестовали Феню Моисеевну, Мусика. Когда их ввели в комнату, где помещались арестованные, Владимир Борисович мог только сказать: «Я не мог, Феня, согласиться работать на них как врач!».

Для того чтобы запугать население станицы, немцы решили учинить расправу над арестованными. В числе приговоренных к смерти была и семья Пинкензонов.

К месту казни согнали все населенные станицы. Когда люди увидели, что среди приговоренных ведут и 11-летнего Мусю Пинкензона, прижимающего к груди свое главное сокровище — скрипку, пробежал ропот: — Ребенка-то за что? Нелюди!

Владимир Пинкензон попытался обратиться к немецкому офицеру, чтобы попросить его пощадить сына, но был убит. Следом застрелили бросившуюся к мужу маму Муси. Он остался совсем один, 11-летний мальчик, окруженный истинными арийцами, считающими его «недочеловеком». А за рядами немецких солдат стояли жители Усть-Лабинской, смотрящие на происходящее со страхом и отчаянием. Они ничем не могли помочь Мусе. Внезапно сам Муся обратился к немецкому офицеру:

— Господин офицер, разрешите мне перед смертью сыграть на скрипке!

Офицер рассмеялся и разрешил. Очевидно, он подумал, что стоящий перед ним маленький еврей пытается ему угодить и таким образом вымолить себе жизнь. Через мгновение над Усть-Лабинской зазвучала музыка. Несколько секунд ни немцы, ни жители станицы не могли понять, что играет Муся. Вернее, они понимали, но не

Зазвучали выстрелы. Первая пуля ранила Мусю, но он попытался продолжить играть. Автоматная очередь подкосила ноги скрипача, и он упал. Смычок выскользнул из рук, и скрипка замолчала навсегда вместе с прерванной жизнью маленького героя.

могли поверить в реальность происходящего. 11-летний Муся Пинкензон, стоя перед гитлеровцами, играл «Интернационал» — гимн коммунистов, который в тот момент был гимном Советского Союза. И вдруг кто-то в толпе сначала неуверенно, а затем громче подхватил песню. Затем еще один человек, еще... Опомнившийся немецкий офицер заорал:

— Свинья, немедленно прекрати!

Зазвучали выстрелы. Первая пуля ранила Мусю, но он попытался продолжить играть. Автоматная очередь подкосила ноги скрипача, и он упал. Смычок выскользнул из рук, и скрипка замолчала навсегда вместе с прерванной жизнью маленького героя. Но стоявшие перед фашистскими палачами люди пели песню, и она продолжала звучать над рекой, пока последний из певших не упал, пробитый пулей...

Гитлеровцы в бешенстве разогнали толпу. Акция устрашения превратилась в акцию их унижения. 11-летний мальчик, стоя перед лицом смерти, проявил такую силу духа, против которой оказалась бессильна вся мощь нацистского оружия. В этот день люди в Усть-Лабинской снова поверили в Победу. Эту веру им вернул маленький еврейский скрипач... Его борьба с фашизмом длилась всего несколько мгновений, а оружием его были скрипка и великое мужество...

Аня Обухова

спасла жизни командира и односельчан, но взамен отдала свою...

Жила Аня в одном из сел Курской области. До войны девочка окончила пять классов. Ей было 11 лет. В родном селе, расположенном на востоке Курской области, в школе разместили госпиталь для раненых бойцов. Многие были тяжелыми, не могли передвигаться самостоятельно.

Покончив с домашними делами, Аня спешила туда. В госпитале много работы, ловкие руки деревенской девчонки не были здесь лишними. Помогала врачам и медсестрам, ведь рабочих рук здесь отчаянно не хватало. Девочка не боялась никакой работы, дежурила и по ночам.

Она сильно скучала по отцу, который с первых дней был на фронте. С замиранием сердца девочка вглядывалась в лица бойцов — боялась и одновременно хотела увидеть родные черты. Особенно тепло она относилась к офицеру, который очень напоминал ей отца: лицом ли, голосом, манерой поведения. Этот командир шел на поправку, но передвигался пока с большим трудом.

Вместе с декабрьскими морозами к деревне вплотную подошла беда. Ее захватили немцы. Эвакуировать раненых в тыл не удалось. Немцы с большим рвением стали наводить свои порядки. Первым делом они решили разобраться с ранеными, подвергнуть солдат допросу, а затем показательно расстрелять. В первую очередь — командиров. Но абсолютное их большинство были ранены настолько тяжело, что самостоятельно не могли даже сидеть. Таких решили казнить без допроса.

На следующий день сельчане должны были явиться в госпиталь и вывести на допрос раненых. Гитлеровцы не собирались пачкать свои руки о кровавые бинты. Ночью Аня плохо спала, все думала, как ей спасти солдата. Сердце девочки не могло смириться с таким ужасным фактом, готовым вот-вот свершиться.

Ребенок не мог придумать какого-то сложного плана. А гитлеровцы не рассчитывали на планы простые. Эта нестыковка и помогла Ане. Девочка

пришла в госпиталь очень задолго до указанного часа. Взяла с собой саночки. Видимо, немцы не выставляли никакой особенной охраны, ведь раненые не могли обороняться, да и оружия у них не было. Аня вытащила командира из здания, уложила на санки, а сверху завалила сеном. Аня с саночками провезла бойца мимо часовых, которые даже не остановили ее! Увезла подальше от госпиталя и совершенно не по-детски надежно спрятала.

Радовалась — она ведь сделала огромное дело, спасла человеческую жизнь. Девочка наивно полагала, что фашисты не заметят отсутствие одного

Декабрь 1941 года. Лютый мороз. Аня так и не сказала ни одного слова. За ночь она примерзла к парте — может быть, той самой, за которой когда-то сидела...

бойца. Но, конечно, заметили. Озверели, искали, заходили в каждую избу — безуспешно.

В тот день расстрел отменили. Анечка порадовалась еще больше. Она подарила бойцам как минимум один день жизни! Наивный искренний ребенок, она измеряла фашистов своей меркой и очень в том ошибалась. Оккупанты догадались, что раненый не обошелся без помощи. А чтобы не затягивать поиски, схватили первого попавшегося старика, согнали селян и на их глазах его расстреляли. Объявили: если не явится тот, кто укрыл командира, расстрелы продолжатся и станут массовыми. Анечка угодила в капкан. Она спасла одну жизнь, а теперь враги грозилась отнять другие.

И девочка, не сказав ни слова домашним, явилась в комендатуру. Честно заявила: вот, мол, я, расстреливайте. И опять ошиблась. Расстрелять в глазах фашистов было слишком мягким наказани-

ем. Они же хотели схватить еще и офицера. Аню начали пытаться. Били палками, таскали за волосы, пинали, как футбольный мяч. Говорили: мол, все равно ведь умрет он, этот спасенный, лучше выдай, тебе же меньше терпеть придется.

Но на сей раз ошиблись изверги, а не девочка: она молчала. Признавшись в том, что спасла жизнь русскому солдату, она превратилась в немую. пытки длились весь день. А вечером Аню в одном платье привели к зданию школы. Неподалеку, на улице, сиротливо лежали парты и стулья — гитлеровцы пользовались этим как дровами. Окровавленную девочку крепко привязали к одной из парт и выставили охрану.

Декабрь 1941 года. Лютый мороз. Аня так и не сказала ни одного слова. За ночь она примерзла к парте — может быть, той самой, за которой когда-то сидела...

А ранним утром в село вошли наши солдаты. Расстрел раненых так и не состоялся. Был спасен и тот офицер — он прошел всю войну. И здесь ошиблись фашисты — видно, была у Анечки такая легкая рука, что смогла уберечь командира на долгих четыре года. Он сполна рассчитался с фашистами за девочку. Вместе со своей женой потом не раз приезжал в курскую деревню, помогал Аниной матери. Уцелели и раненые из госпиталя, многие из них вернулись на фронт, давить фашистскую гадину.

Не осталось ни единой фотографии маленькой девочки Ани, но живет в сердцах людей ее подвиг.

Юная писательница, 14-летняя Анастасия Овчинникова, узнав о подвиге девочки, написала рассказ «Анютины глазки».

События той страшной декабрьской ночи преследовали ее. Не было дня, чтобы она не вспоминала о своей дочке. Ей слышался ее смех, она чувствовала ее дыхание во сне, часто гладила ее по волосам, говорила с ней... Но были и другие сны, в которых отчетливо звучала лающая немецкая речь, раздавались щелчки автоматов, мелькали озлобленные лица фрицев...

Она взглянула на календарь. Скоро снова Новый год. Как же не любила она этот праздник! Он будил чудовищные воспоминания...

Женщина подошла к шкафу и достала оттуда детское платьице и ботиночки, школьные тетрадки, исписанные корявым почерком. Слезы медленно потекли по щекам. Она села на стул, прижав к груди вещи своей дочери, за-

крыла глаза и в полной тишине, нарушаемой только тиканьем ходиков, погрузилась в воспоминания...

...В тот день Аня, как и многие деревенские ребята, пошла в госпиталь ухаживать за ранеными советскими солдатами. Так приказали немцы, которые уже в течение нескольких недель держали в страхе всех жителей небольшой деревушки недалеко от Курска. На улице стояли декабрьские морозы, и девочка оделась потеплее, прихватила теплые рукавицы. Обернувшись в дверях, улыбнулась, но взгляд остался серьезным и задумчивым.

Захлопнув дверь, впустила белые клубы холодного воздуха в дом. Вернулась она чуть позже обычного, а через час всех жителей деревни собрали около церкви, чтобы расстрелять старика Акимыча. Оказалось, что один из плененных советских командиров, от которого фашисты хотели по-

лучить важные сведения, бежал из госпиталя. Немцы решили, что ему помог кто-то из местных. Смерть невинного потрясла всех. Аня тогда сильно испугалась, побледнела, сжалась. Я это почувствовала, мы обнялись и пошли домой.

Утром 25 декабря все было как обычно. Только Анечка была рассеянная. Перед уходом обняла меня и долго-долго не отпускала.

— Ты что, родная моя? Что случилось? — спросила я.

— Ничего, мамочка, — ответила дочь, а в глазах — боль и страдание.

Как хочется все вернуть назад, не отпускать ее, расспросить о том, что тревожило. Она ушла в тот морозный декабрьский день, чтобы больше не вернуться...

Женщина открыла глаза, рука привычно нащупала таблетки, в кармане старенького халата. Она выпила лекарство. О том, что случилось дальше с ее маленькой девочкой, она узнала не сразу.

Оказалось, это ее Аня вывезла на своих маленьких саночках из госпиталя советского командира. Провезла мимо часовых, а потом помогла спрятаться. Увидев, как немцы безжалостно расстреляли невинного старика, представив, что могло быть с ее родными, девочка пошла в комендатуру и призналась во всем сама. Вот только место, где укрыла солдата, не назвала. Долго мучили ее фашисты, избивали, а потом привязали к школьной парте и выставили на сорокаградусный мороз в одном платьице.

«О чем думала ты, моя девочка, стоя босыми ножками на снегу?» — этот вопрос мать задавала себе каждый день, чувствуя вину в смерти дочери.

9 Мая на могилу, где растут анютины глазки, она приходит вместе с высоким пожилым мужчиной — советским командиром, которого спасла ценой своей жизни ее дочь, Аня Обухова. Было ей 11 лет.